DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-228-246

Россия в Евразии: между Китаем и Западом. Идентичность, идеология и геополитика

Андрей Владимирович ВИНОГРАДОВ
доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов
Институт Дальнего Востока РАН, 117218, Нахимовский проспект, д. 32, Москва, Российская Федерация;
профессор кафедры теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Российская Федерация
E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6080-4463

ЦИТИРОВАНИЕ: Виноградов А.В. (2019) Россия в Евразии: между Китаем и Западом. Идентичность, идеология и геополитика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 2. С. 228–246.
DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-228-246

Статья поступила в редакцию 23.03.2019.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00165).

АННОТАЦИЯ. *Появление российской цивилизации неразрывно связано с монгольскими завоеваниями XIII века. С этого момента Россия приобрела бинарную, евроазиатскую идентичность, которая позволила ей освоить большие пространства Восточной Европы и Северной Азии иначе, чем осваивали пространства Азии и Африки другие европейские народы, и в итоге создать крупнейшее евразийское государство. Все его последующее развитие проходило в постоянной внутренней борьбе двух начал – Запада и Востока, которые притягивали Россию, оказывали влияние на ее идентичность и создавали возможности для развития, которыми она успешно пользовалась. И до сих пор геополитика остается катализатором внутренних изменений и причиной трансформации российской идентичности. Разочаровавшись в евразийском проекте и предприняв попытку воссоединиться с Западом в конце XX в., Россия решила отказаться от «азиатского бремени» и одновременно от своего, особого типа исторического развития. Однако в результате она не сменила свою идентичность, а изменила ей и, как следствие, не вписалась в общемировые тенденции, а выпала из них.*

Возвышение Китая открыло перед Россией новые возможности. Стратегическое сотрудничество и взаимодействие двух стран стало мощным инструментом в их борьбе за многополярность и глобальный статус в соперничестве с Западом, но вместе с тем бросило Рос-

сии новый геополитический вызов. Сегодня Китай готов предложить постсоветскому пространству Центральной Азии привлекательную социально-экономическую модель и исторически близкую и понятную идеологию. В условиях изменения глобальной геополитической картины Россия стоит перед выбором новой стратегии развития, одной из центральных задач которого является поиск путей сопряжения «русского мира» с Европейским Союзом и китайским «Поясом и путем».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Россия, Евразия, постсоветское пространство, Китай, идентичность, геополитика, идеология, Центральная Азия, ЕАЭС, «Пояс и путь»*

По мере того как Восточная Азия превращается в один из полюсов современного мира, геополитика возвращается в центр международных отношений. Главным возмутителем спокойствия и источником угроз существующему порядку принято считать Китай. Достигнув выдающихся успехов в экономике, он не просто бросил вызов американскому лидерству в АТР, подрывая его глобальное влияние, но и неизбежно открывает для себя новые пространства. Стремясь избежать конфронтации с последней сверхдержавой, свой путь к возрождению на международной арене Китай решил прокладывать в обход США, через Евразию, геополитической константой которой последние 500 лет является Россия. Как китайский проект в Евразии будет соотноситься с интересами России, сохранившей свой геополитический статус, в не меньшей степени будет зависеть и от поисков Россией новой идентичности и строительства ею своего геополитического и цивилизационного пространства. От места России в складывающейся системе координат по-прежнему в значительной степени зависят перспективы отношений Востока и Запада, глобального развития и мировой геополитики.

Россия Евразийская

Период истории, когда Россия вместе с Китаем была частью монгольского политического пространства, коренным образом изменил ее судьбу. Уже тогда, в XIII–XV вв., Россия стала евразийской, а азиатский компонент появился в ней задолго до того, как она сделалась евразийской географически. С этого момента в борьбе с азиатской идентичностью начала формироваться российская цивилизация. Новая идентичность позволила России освоить обширные пространства Евразии и не дала шанс Польше реализовать свой геополитический проект на востоке Европы, неудавшийся тогда, но вечно актуальный альтернативный проект европейской истории [*Виноградов* 2015, с. 240–248].

Восстановив свою независимость к концу XV в., Россия по-прежнему мыслила себя европейской, хотя была уже другой. Считать себя европейской было для нее тем проще, что с этого времени поменялся вектор мирового развития. Запад начал быстро развиваться, расширяя сферу своего влияния. В силу географического положения Россия шла в авангарде этого процесса в континентальной Азии, транслируя европейскую мощь и влияние на Восток и получая все выгоды от причастности к передовой и растущей части мира.

Подобно Китаю, ассимилировавшему завоевателей и присоединявшему их территории, Россия со временем тоже смогла колонизировать азиатские пространства. Монгольское иго в буквальном смысле открыло для России Восток. Благодаря приобретенному «азиатскому гену» она осваивала новые про-

странства иначе, чем европейские государства, которые подчиняли себе народы Азии и Африки, удерживали их силой и поэтому всегда были вынуждены уходить, теряя завоеванное, но оставляя после себя достижения материального прогресса и культурное влияние. Российская империя не была разделена на колонии и метрополию и развивалась как единый политический организм и общее культурное пространство, сохранявшее этнокультурное многообразие своих частей.

Обладая бинарной, евро-азиатской структурой, российская идентичность была обречена формироваться возвратно-поступательно, то приближаясь к одному из центров притяжения, то отдаляясь. После нескольких столетий борьбы с азиатским господством петровские реформы указали России новое направление развития. «Открытие» Европы означало не просто готовность выступать в качестве ее посредника в Азии, а решимость повысить свой статус и стать полноправной частью самой Европы, представляя все северо-евразийское пространство в европейских делах. Создав империю, Петр уравновесил движение русского государства на восток, наделил его цивилизационное ядро стройной геополитической идеологией, ясно указав на жизненные интересы России и на западе, и на востоке.

Однако света из «прорубленного окна» хватило только на высшее сословие, которое восприняло европейскую культуру и формировало европейский вектор развития. Основная масса населения оставалась евразийской, далекой от европейских ценностей и норм. Петровские реформы разрушали целостность российского государства, придавали ему евроазиатский характер. С XVIII в. оно всегда стояло перед выбором – быть с Европой или с народом, объединить их не удавалось. Внутренне противоречивая евроазиатская природа государства и социокультурный раскол общества создавали постоянное напряжение и вместе с тем конструктивный потенциал, который позволил России выработать особый тип исторического движения и осуществить модернизацию, подчинив население воле правящего класса.

Открытый Петром мобилизационный тип развития через двести лет использовала русская революционная интеллигенция в надежде преодолеть раскол и сблизить народ и государство в рамках социалистической системы европейских ценностей. Советская Россия попыталась примерить лидерскую роль и декларировала создание нового мегапроекта, не противопоставляя себя Западу, но считая, что идет впереди, указывая ему и всему миру новый путь. Однако вопреки представлениям и ожиданиям Октябрьская революция прервала связь с Европой, усмотревшей в этом проекте покушение на ее историческую и геополитическую гегемонию, привела к усилению евразийской природы государства и, как следствие, к конфронтации с Западом, заложив основы будущей биполярности. В 1917 г. большевики выбрали народ и вскоре после революции неизбежно – евразийский проект. В конце XX в. новый политический класс выбрал Европу.

Россия столетиями развивалась как евразийская держава, осуществила индустриализацию и модернизацию азиатских территорий, распространила там высшее образование и культуру, а в 1991 г. дала им свободу. Почему?

Правящий класс России признал, что попытка реализовать свой социально-экономический проект провалилась, а вместе с ним исчезла и перспектива единого евразийского пространства. Смирив амбиции, Россия решила вернуться в Европу, к своим историческим и цивилизационным корням. Для этого недостаточно было отрешиться от социализма, ставшего антагонистом

европейского пути; необходимо было освободиться и от азиатского бремени в лице среднеазиатских и закавказских республик. Россия не в первый раз в своей истории решила поменять идентичность, вернуть себе европейскую и вместе с этим сменить исторически сложившийся тип общественно-экономического развития на более эффективный и гуманный.

Прошло тридцать лет. Россия не может скрыть разочарования: Запад ее не принял; экономического подъема в результате смены социально-экономической модели не произошло; западная политическая система и политическая идентичность не прижились; освободиться от азиатского наследия не получилось ни в культурном, ни в экономическом отношении. Россия по-прежнему остается главным экономическим партнером Центральной Азии и главным внешним рынком для ее рабочей силы.

Освободиться от азиатского бремени не удалось и во внешней политике. Не только трудовые мигранты, но и главные политические союзники России остались на Востоке. Наконец, не Европа, а Восточная Азия во главе с Китаем, а в недалеком будущем, вероятно, и с Индией, превращается в наиболее динамично развивающийся регион мира и локомотив мировой экономики.

Мир радикально изменился, стало ясно, что Россия, сделав выбор в пользу европейской, не сменила свою идентичность, а изменила ей, не вернулась к общемировой тенденции, а выпала из нее и осталась в одиночестве. На протяжении пяти столетий российское государство было агентом Европы в Азии и пользовалось всеми преимуществами этого положения. Впервые ситуация может в корне измениться. Поворот России на Восток в начале XXI в. не является ответом на западные санкции, не конъюнктурен по своей природе. Это признание сложившейся реальности, не только внешнеполитический курс российского руководства в условиях последствий мирового кризиса, изоляции и санкций, а несколько запоздалое признание цивилизационной состоятельности современной Азии, ее заслуг в проведении модернизации и развитии. Восток уже не безнадежно отсталый, каким он представлялся еще в середине XX в., он себя реабилитировал. Япония, азиатские «драконы» и «тигры» и, наконец, Китай продемонстрировали успехи в различных сферах жизни, которые невозможно игнорировать. При очевидном стимулирующем влиянии Запада все эти успехи были достигнуты без отказа от национальной идентичности, которая после вызванного проникновением европейских держав кризиса XIX–XX вв. и по мере роста экономического могущества восстанавливает свои позиции.

В таких обстоятельствах России больше нечего стыдиться своих азиатских корней, российский политический класс все чаще вспоминает свою евразийскую идентичность и уже готов «поймать китайский ветер в паруса российской экономики» [*Путин* 2012]. Политические и экономические санкции Запада лишь способствуют этому. Возвышение Востока формирует новое геополитическое пространство и дает проигравшей в холодной войне России шанс вернуться в мировую историю в качестве полноценного участника. Но алгоритм возможного возвращения будет уже другим. Сегодня Россия не обладает общими с Азией конкурентными преимуществами[1] и должна искать

1 Реальный сектор по-прежнему является атрибутом экономической мощи, но уже не атрибутом мирового лидерства. Вряд ли Россия должна вместе с Китаем стремиться к тому, чтобы вновь стать индустриальным гигантом.

свой путь, вырабатывать новую геополитическую стратегию в условиях, когда на смену глобализации и стремлению к универсализму, порожденным культурой модерна, научно-техническим и военным превосходством Запада, приходит фаза идентичности, которая завершает эпоху классических модернизаций и открывает новые перспективы для всех стран, включая Россию.

Прямым следствием возвышения Востока стала трансформация геополитической картины мира. Впервые за многие столетия геополитические реалии стали меняться не вследствие передела мира европейскими державами, которые всегда вели к усилению влияния европейской цивилизации в целом, а в результате соперничества разных цивилизационных моделей. Хронологически последние близкие по характеру к нынешним процессам – средневековые завоевания Османской империи на Балканах. Падение Константинополя (1453 г.), возможно, не меньше, чем освобождение от монгольского ига, открыло перед Россией новые перспективы и заложило основу ее будущих мессианских проектов. Возникшая при потомке последней византийской династии Василии III доктрина «Москва – Третий Рим» формировала русскую идентичность вплоть до появления в 1917 г. новой государственности, провозгласившей социалистическую доктрину переустройства мира и ставшей, вероятно, первой утопической версией глобализации.

Каковы практические следствия изменений на международной арене и трансформации геополитической конфигурации мира во внутренней политике? Россия постепенно переоценивает свою историю и признает, пока еще очень осторожно, что наибольших результатов советский проект достиг тогда, когда отошел от идеалов европейского социализма и приблизился к своей евразийской природе, – в сталинский период. Именно тогда произошло фактическое сокращение разрыва в уровне экономического и технологического развития с западными странами, которое состоялось не в рамках приближения к европейским корням, а в рамках самостоятельного цивилизационного проекта, позволявшего максимально полно реализовывать конкурентные преимущества и характерные черты ее идентичности. Чем сильнее становилась Россия, тем дальше она уходила от Запада, распространяя свое влияние и увлекая за собой Центральную и Восточную Европу; наоборот, ослабление всегда толкало ее в объятия Европы.

Этот вывод имеет серьезные последствия для самоосознания России и ее внешнеполитических приоритетов. Геополитика, которая последние восемь столетий всегда выступала катализатором внутренних изменений и приводила к трансформации российской идентичности, в очередной раз занимает центральное место во внутренней повестке. В отсутствие собственного социально-исторического проекта, утраченного в 1991 г., судьба России вновь зависит от внешнего мира и по-прежнему определяется взаимодействием с двумя частями света, под воздействием одной из которых она выделилась из другой, теперь уже современного Запада и модернизировавшегося Востока, в первую очередь Китая. Их нарастающее соперничество открывает перед Россией новые возможности. Именно так, не связывая себя постоянными союзами, а используя экономические, политические и идеологические возможности, которые предоставило противоборство сверхдержав в XX в., возвратил себе великодержавный статус и изменил глобальный политический ландшафт современный Китай.

О долгосрочных последствиях нынешнего влияния геополитики на российскую идентичность говорить преждевременно, но уже можно очертить контуры геополитической ситуации, в которой оказалась Россия. На фоне возрождающегося соревнования Востока и Запада на пространстве Евразии вопрос о цивилизационной принадлежности России вызывает все больший интерес и беспокойство как на Западе, так и на Востоке [*Янь Сюэтун* 2012]. Окончательно ли Россия покинула Запад и каков критерий расставания?[2]

Запад и Россия

1991 г. не привел к воссоединению России и Запада. Восстановив, как тогда казалось, идеологическое единство мира, расколотого десятилетиями борьбы, и обеспечив исторический триумф либеральных ценностей, Запад по инерции воспринял победу в Европе как победу в глобальном масштабе, высокомерно игнорируя не только поверженную Россию, но и поднимающийся Восток. Однополярность 1990-х стала высшим геополитическим проявлением цивилизационной исключительности. Подтвердив свою эффективность на внешней арене, после окончания холодной войны западные государства стали меняться не менее стремительно, чем Восток или Россия. И новый вызов Западу пришел не извне, не от явных геополитических противников, а изнутри.

Активизация восточного направления мирового развития сегодня проявляется не только в подъеме Востока и последовательном повороте на восток США (pivot to Asia), Индии (Look East Policy и Act East Policy) и России, но и в усилившемся влиянии Востока на Запад, прежде всего в результате миграционных потоков. Уверовав в силу экономического превосходства, подтвержденную победой в холодной войне, Запад без видимых колебаний сменил традиционную, основанную на христианских ценностях, культурную идентичность на либеральную и рыночную. Приоритеты экономического развития открыли путь дешевой рабочей силе и одновременно анклавам другой культуры. Платой за экономический успех стало не социально-экономическое развитие колоний, а разложение культурной идентичности метрополий. Конфликты экономических интересов и духовных ценностей, толерантности и культурных традиций вызвали кризис европейской идентичности, который быстрее других ощутили страны Восточной Европы.

В период советского доминирования восточноевропейские страны оказались за пределами основных тенденций экономического и политического развития Запада. У них никогда не было колоний, а после войны и крушения колониальной системы их не затронули процессы миграции и мультикультурализма. Находясь в зоне советского влияния, они гораздо выше ценили свою этнокультурную идентичность и оставались анклавами консервативной европейской традиции. Стремление назад, в Европу было для них не только движением к рынку и демократии, в еще большей степени это было побегом от навязываемой евразийской идентичности с ее экономической и социально-политической моделью. Поражение СССР в холодной войне дало шанс восточноевропейскому лимитрофу реали-

2 В октябре 2017 г. в Сингапуре прошла конференция, одна из сессий которой так и называлась «Has Russia Left the West?» (см. [Regional Cooperation Initiatives 2017, pp. 12–14]).

зовать свое главное преимущество – возможность выбора цивилизационной принадлежности и свою главную функцию – сохранение резервной копии цивилизации [*Цымбурский* 1997; *Цымбурский* 1999].

Однако выйдя из-под влияния России и вернувшись в Европу, эти государства внезапно осознали, что их ценности не тождественны западноевропейским. Геополитика разделила Европу в середине XX в. и расколола ее идентичность в начале XXI в. Восточноевропейские лидеры (В. Орбан, М. Земан, С. Курц, все польские президенты) все более откровенно демонстрируют приоритет национальных интересов и пытаются зафиксировать свое понимание европейской идентичности, которое существенно отличается от французского и британского, расовое и этническое многообразие которых в результате усиливающихся миграционных потоков стало новейшим проявлением их имперской природы. Близкая западноевропейской имперская, полиэтничная Россия воспринимается в Восточной Европе как угроза, защиту от которой она сейчас ищет на Западе.

После всего, что произошло за последние сто лет: Октябрьская революция, биполярный мир, неудачная попытка воссоединиться в 1990-е гг. и углубляющийся раскол в 2000-е, кажется, Россия уже никогда не сможет стать частью Запада. И в Европе всегда готовы были интегрировать Россию только частично. Эту мысль предельно ясно, хотя и по другому поводу, выразил Де Голль: Европа от Атлантики до Урала[1]. В годы противостояния двух военно-политических блоков это утверждение было важным символом неразделимого периметра безопасности, объединившего все европейские государства. Создание общего пространства стало основой мирного сосуществования и сопряжения СССР и Западной Европы, обраставшего институтами не только экономического, но и культурного, гуманитарного и прочего сотрудничества.

В начале «перестройки» эффективность этих структур вдохновила советских лидеров провозгласить свой проект объединенной Европы – «общеевропейского дома» [Визит Генерального секретаря 1985, с. 14][4]. Но насколько первый был неприемлем для России, означая, в сущности, возвращение к польскому варианту, настолько второй был немыслим для Европы.

Геополитическая карта мира всегда находилась в прямой зависимости от границ идентичностей. Одной из характерных черт построения современной европейской цивилизации является принцип строгого суверенитета и равноправия, воплощенный ЕС в союзе наций-государств. Российская идентичность, напротив, изначально определялась не внутренним культурно-религиозным единством, а геополитикой. В отличие от Европы, состоящей из однородных политических единиц, российское цивилизационное пространство состоит из регионов, этнокультурно и конфессионально разнородных и скрепленных политической волей государства, которому никогда не хватало общей, эндогенной идентичности и поэтому всегда остро нужна была объ-

3 Le Monde. 24.11.1959 (№ 4615).

4 Идея «общеевропейского дома» принадлежит М.С. Горбачеву. Затем идея общего экономического и гуманитарного пространства от Лиссабона до Владивостока была провозглашена В.В. Путиным и закреплена во внешнеполитической концепции современной России (Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 30 ноября 2016 // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248, дата обращения 31.03.2019).

единяющая идея, сплачивающая неоднородное пространство.

В советский период распознать за социалистическим проектом евразийский мешала официальная идеология, прямо указывавшая на его западное происхождение и универсальный характер. В действительности, в европоцентристском духе того времени СССР со временем объединил идеологию и геополитику и стал рассматривать социалистический проект как основание для консолидации окружающего пространства вне зависимости от формационной принадлежности и уровня развития: от ГДР и Чехословакии до Монголии и Афганистана. Продолжая принципы построения российского государства, в основу советского блока легли не суверенитет отдельных государств и сложная система межгосударственных отношений, а общая идеология, обосновывавшая геополитическое единство. Внутренний кризис советского государства положил начало распаду российского геополитического поля, о чем в тот момент Россия не сожалела, считая, что, слившись с Европой, она не будет нуждаться и в собственном геополитическом пространстве. Разделив геополитику и идеологию, единство которых обеспечивало рост и развитие на предыдущем этапе, Россия вернулась к своим истокам, евроазиатской природе и замерла.

Как и после Октябрьской революции, она достаточно быстро освободилась от иллюзий и была вынуждена из конструктивистского мира поисков вернуться в лоно политического реализма – к приоритету геополитических интересов. Деление на «дальнее» и «ближнее», а иногда и «русское», зарубежье означало не только новую геополитическую конструкцию, но и обновленный цивилизационный концепт. После экономических и геополитических потерь 1990-х гг. России стала необходима реинтеграция «русского мира», заменить который не способен был ни один союз на внешней арене. Его распад означал бы существенное понижение как исторического, так и геополитического статуса России, переход из разряда цивилизаций в разряд государств с неясной перспективой не только на Западе, но и на Востоке.

В таком контексте расширение ЕС и НАТО на восток воспринималось Россией не только как ущемление ее интересов и угроза геополитическому положению, но и как желание поглотить европейские части «русского мира», разрушить ее идентичность. В отличие от Восточной Европы и Прибалтики, которые в 1990-е гг. были признаны Россией частью цивилизационного лимитрофа, Украина и Белоруссия воспринимаются сегодня как неотъемлемые части «русского мира», которые имеют право на свои экономические интересы и культурную автономию, но не имеют права на суверенитет в европейском понимании, остающийся исключительно прерогативой цивилизационного ядра. Союзное государство с Белоруссией, ЕАЭС, ОДКБ и даже СНГ в нынешних условиях – это уже не просто поиски геополитических опор для ответа на вызов Запада, это инструменты консолидации пространства на принципах «русского мира» [*Грачиков* 2015; *Грачиков* 2016][5]. Сокращающиеся возможности его сохранить подталкивают Россию к определению новых геополитических границ, а в качестве одного из инструментов – к расчленению нового пограничья в попытке удержать ускользающее пространство по частям (Южная Осетия, Абхазия, Крым, Донбасс).

5 Типологически близкой китайской системе «тянься» (см. [*Грачиков* 2016, с. 68–80; *Грачиков* 2015]).

В этих условиях геополитика вновь претендует на роль главной государственной идеи. Но если в СССР объединение планетарной идеологии с геополитикой привело к рождению сверхдержавы, то сейчас геополитика не получает идеологического наполнения, что объясняет весьма посредственные результаты нынешнего политического курса.

Отсутствие идеологической определенности обнажило изъяны бинарной природы России на внешней арене и не позволяет ей выработать долгосрочную внешнеполитическую стратегию. Евроазиатский характер современной России предопределил сочетание алгоритмов поведения азиатских полиэтничных, мультиконфессиональных империй и европейских наций-государств. Как европейское государство Россия ощущает себя частью общего пространства и по-прежнему готова участвовать не только в европейских структурах безопасности, но и в общеевропейских организациях и соглашениях. В отношениях с «русским миром» ее поведение принципиальным образом отличается. Подобно Франции и Великобритании, сохраняющим особые права на территории бывших колоний, Россия не может отделить себя от постсоветского пространства. А Европа, особенно Восточная, непосредственно примыкающая к нему и сама в недалеком прошлом находившаяся в советском блоке, не может принять такого отношения к европейским государствам[6]. Поведение РФ на постсоветском пространстве вызывает в Европе отторжение и протест. Следствием этого является растущее напряжение на границах «русского мира» и начавшееся упразднение общих с Россией пространств (гуманитарных, культурных и даже безопасности) [*Deak, Kuznetsov* 2019][7] – отлучение России от Европы, близкое к ее изоляции в 1920-е гг. и ее возможным последствиям.

В проявлении на внешней арене внутренней двойственности и отсутствии идеологического обоснования геополитического единства лежит объяснение нынешних проблем России в отношениях с Западом. Европа для России всегда была фактором исторической стабильности, берегом, к которому можно было пристать. После появления центра притяжения в Азии возвращение к этому берегу теряет былую привлекательность. Теперь всякая изоляция России на Западе будет способствовать ее движению на Восток, но уже в другом, чем в середине XX в., качестве – не источника новых идей и технологий, а одного из родоначальников современного Востока, близкого ему по духу.

Вынужденный экономической слабостью и геополитической уязвимостью «дрейф на Восток», сменивший «марш на Запад», может помочь России сменить одностороннюю близость Европе на равноудаленность и вписаться в формирующуюся международную систему с новым типом отношений, не только между великими державами, но и с малыми государствами внутри региона.

В европоцентричном мире геополитика определялась взаимодействием европейских государств. В глобальном мире она определяется другими, более крупными субъектами – цивили-

6 Можно предположить, что если бы Россия «прирастала» Африкой, ей вряд ли были бы адресованы упреки в несоблюдении принципов цивилизованного сообщества. В этом проявляется оборотная сторона исторической нерасчлененности российского государства на колонии и метрополию.

7 О динамике взаимоотношений и взаимного восприятия России и стран ЕС после 1991 г. см. [*Deak, Kuznetsov* 2019].

зациями. Попытка после второй мировой войны распространить на весь мир европейские принципы суверенитета и установить новый порядок на основе отношений равноправных государств оказалась трудно реализуемой, невыполнимой задачей. На сегодняшний день почти 200 государств с разной культурой, традициями, ценностями и общественным строем с трудом находят основания для общего справедливого порядка. В этом заключается одна из фундаментальных причин нынешнего кризиса ООН и современного международного порядка, начавшегося вслед за разрушением СССР и биполярной системы. Постбиполярный мир стал переходом не к однополярному, который оказался лишь политическим осколком биполярного, а к многополярному. В новом, глобальном мире шансы установить равноправные отношения имеют лишь несколько региональных центров, обладающих близкой культурной идентичностью и сложной внутренней структурой, отражающей особый характер отношений и представлений о суверенитете внутри региона. С этим, как представляется, связано неуклонное расширение числа диалоговых форматов (G7/8, G20, БРИКС и др.) и проекты реформирования ООН за счет увеличения числа членов СБ, защищающих интересы своих регионов.

Ликвидация однополярности не означает создание многополярного мира. В свою очередь и многополярный мир пока всего лишь хорошая идеальная конструкция, практическое воплощение которой в жизнь может привести к новым противоречиям и конфликтам. В отличие от Европы, Китая или США, центральное геополитическое положение России не позволяет ей изолироваться и предполагает ее присутствие в одном из действующих геополитических проектов, один из которых сегодня предлагает Китай.

Китай в Евразии

Американское «возвращение в Азию», российский «поворот на Восток», индийская «действуй на Востоке» не могут скрыть гораздо более мощный поворот Китая на Запад, символизирующий его возвращение на первые роли в мировой политике и истории, непосредственное отношение к началу которого имела Советская Россия. Оказавшись после революции в изоляции в Европе, Россия была вынуждена в поисках союзников обратиться на Восток, предложив ему свой проект социального и мирового переустройства и новую, современную идентичность. Победа СССР во Второй мировой войне, образование двух общественных систем, крах колониализма и биполярность в конце концов привели к образованию двух военно-политических блоков – «восточного», возглавляемого СССР, и «западного». С исчезновением на рубеже 1990-х гг. противостояния двух систем у мира заметно усилился общий вектор развития. В созданном им глобальном пространстве возникли условия для перехода от соперничества и глобальной конфронтации к мирному соревнованию и сотрудничеству, которые открыли возможности для выхода на международную арену новых игроков.

Завершение с распадом СССР евразийского проекта привело к появлению в Евразии открытого пространства, привлекательного для освоения как Западом, так и поднявшимся Востоком, в первую очередь Китаем, лучше других сумевшим воспользоваться стиранием разграничительных линий и вновь ставшим претендовать на место исторического конкурента Запада. Осуществив модернизацию, сначала по советскому образцу, а затем и использовав западный опыт, он стал частью современности и примером для мно-

гих афро-азиатских государств, включая постсоветские.

В период вхождения в Российскую империю, а затем и в СССР, Центральная Азия испытала сильное влияние евразийской идентичности, которая для нее тесным образом переплелась с современностью. В этом она оказалась близка Китаю, окном в современный мир для которого также стала Советская Россия. Приняв большевистскую идеологию, Китай воспринял советскую социально-экономическую модель и усовершенствовал ее в процессе реформ. Объявив о «строительстве социализма с китайской спецификой», он продолжил создание плюралистичной современности. Подобно тому как выделение России из западного мира привело к образованию «восточного блока» и биполярности, выделение из «восточного блока» Китая стало предпосылкой перехода к многополярности, значительно более сложной конструкции, чем биполярность [*Womack* 2016, pp. 99–146]. Если в биполярном мире главной формой взаимодействия было соперничество, то в многополярном соперничество между одними полюсами предполагает их сотрудничество с другими. Так, уже на этапе постбиполярного мира были созданы предпосылки для укрепления связей между Россией и Китаем.

Сближение РФ и КНР на протяжении последних 30 лет было обусловлено общими задачами по встраиванию в постбиполярный мир и одновременно необходимостью проведения экономических реформ, успех которых зависел от сотрудничества с Западом. Это заставляло их занимать двойственную позицию: с одной стороны, выступать против однополярного мира, с другой, добиваться его благосклонности и партнерства. В практическом плане именно вторая задача была главной, т.к. без нее невозможно было решить первую. Слабость в глобальном противостоянии с Западом заставляла обе страны искать взаимной поддержки. Этот курс получил название «Доверительное партнерство, направленное на стратегическое взаимодействие»[8] и был продиктован прежде всего задачами глобального уровня – строительством международного порядка, в котором их интересы учитывались бы наиболее полно. Возможно, это было только в мире, где обе страны имели глобальный статус, но оставались региональными по ответственности, что соответствовало их реальному экономическому и политическому потенциалу. Так возникла формула многополярного мира, которая стала ориентиром для обоих государств, предопределив их дальнейшее сближение и Договор 2001 г.

Свое видение развития геополитической ситуации было и у США, которые хотели избежать возрождения биполярности на этот раз с участием Китая. Высказанная З. Бжезинским идея «стратегической двойки» предлагала новый порядок, в котором сохранялось ведущее место США, но признавалась особая роль Китая [*Brzezinski* 2009][9]. Плюралистичная однополярность [*Богатуров* 1996] заменялась в этой формуле на однополярную плюралистичность. Порядок экономически взаимосвязанных субъектов не был равноправным, но мог стать устойчивой формой привилегированного сотрудничества, институализировав, таким образом, однополярность.

8 Совместная российско-китайская декларация 1996 г. // China.org.cn. 25 апреля 1996 // http://russian.china.org.cn/russian/273010.htm, дата обращения 31.03.2019.

9 В 2000-е гг. в США возникли и другие аналогичные идеи.

Американское предложение не нашло отклика в Китае, который не хотел ограничивать свой суверенитет и сужать возможности, предоставляемые ему быстрым экономическим ростом. Отказавшись, Китай надеялся укрепить свои позиции в результате мирного возвышения, избегая конфронтации с другими центрами силы и не вступая в союзы, как это делал предыдущие 40 лет.

В начале 1980-х гг. Дэн Сяопин выдвинул стратегический курс «мир и развитие», а через 10 лет определил, как его нужно проводить – «не высовываться» [*Портяков* 2015, с. 11–14]. КНР строго следовала этому наказу. На рубеже XXI в. Китай сформулировал первую региональную доктрину партнерств [*Мокрецкий* 2019], ориентированную на Юго-Восточную и Центральную Азию, и принял участие в создании региональных институтов сотрудничества – АСЕАН+ и ШОС, не выходя при этом из парадигмы Дэн Сяопина, не претендуя на глобальный и даже евразийский уровень влияния [*Свешников* 1999, с. 114–116]. Между тем масштабы вовлеченности Китая в мировые дела существенно выросли и внесли свои коррективы в глобальную и региональную повестку. За 10 лет, особенно после кризиса 2008 г., Китай превратился во вторую экономику мира и осознал, что его интересы и цели значительно шире провозглашенных Дэн Сяопином.

При Си Цзиньпине в формулу из «28 иероглифов» были внесены существенные изменения [Сборник документов 2017, с. 47–48]. Инициатива «Один пояс, один путь», объединившая Юго-Восточную и Центральную Азию, стала поворотным пунктом китайской внешней политики. Евразийское, а не тихоокеанское направление было продиктовано несколькими причинами. Во-первых, желанием избежать прямого противостояния с США, в которых набирала силу идея Тихоокеанского века, при администрации Б. Обамы был провозглашено возвращение в Азию и началось интенсивное строительство ТТП, направленное, как и усиливающееся американское военное присутствие в регионе, на сдерживание Китая. Инициатива «Пояса и пути» могла стать важной опорой экономической независимости в намечавшемся противостоянии с США.

Во-вторых, зависимость от внешних рынков заставляла Китай постоянно стремиться к их расширению. На начальном этапе естественными торговыми партнерами Китая выступали страны Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Однако развитие тесных экономических связей с КНР эти страны дополняли сотрудничеством с США в сфере безопасности, удерживая Китай на расстоянии. Центральноазиатское направление, не такое привлекательное экономически, выглядело гораздо более доступным, а страны региона в условиях экономического спада остро нуждались в расширении сотрудничества и вели поиск новых партнеров. Неспособность России в начале XXI в. возродить большой евразийский проект открывала пространство на севере и западе от Китая и, что не менее важно, путь далее – в Западную Азию, Африку и Восточную Европу. Евразийское направление в этих условиях становилось чрезвычайно перспективным для интеграционных инициатив.

Наконец, находясь в общем с Россией геополитическом лагере, ориентированном на формирование многополярного мира, и установив с ней партнерские отношения, Китай рассчитывал на дальнейшее укрепление своих позиций в регионе. Участие в ШОС, которая в период создания была для России частью общих усилий по консолидации постсоветского пространства и защите его от исламского фундамента-

лизма, легализовала китайское присутствие. Допустив Китай на свою «каноническую» территорию, Россия не ожидала, что менее чем за 20 лет ситуация может в корне измениться. Центральная Азия была для России тылом, пока Китай не превратился в мировой экономический центр. Поход Китая на запад в обход США создает зону потенциального конфликта интересов с Россией и может стать одной из центральных проблем внешней политики обоих государств и российско-китайского стратегического взаимодействия в целом.

Предлагая свою интеграционную инициативу не соседним, цивилизационно близким восточноазиатским государствам, у которых сложились свои весьма эффективные общественные системы, а странам Центральной Азии, Китай предпринимает попытку создать новое геополитическое пространство, повторяя логику большевистского проекта и предлагая этому пространству не только успешную социально-экономическую модель, но и близкую и понятную идентичность, особенно привлекательную на фоне провала в них постсоветских экспериментов.

Появление Китая в Центральной Азии принципиальным образом меняет геополитический расклад. После того как в XIX в. России удалось отстоять это пространство в «большой игре» с Великобританией, Центральная Азия была привязана к России отсутствием у нее здесь конкурентов. За последние 20 лет Китай создал тот критический уровень притяжения, который способен бросить России вызов, подобно тому как 30 лет назад его бросили ЕС и НАТО[10]. В последнее время появилось достаточно свидетельств того, что «ближнее зарубежье» в Центральной Азии готово пойти дальше, по пути Восточной Европы, сменить геополитический статус и из окраинной части «русского мира» превратиться в лимитроф, подталкивая в свою очередь Россию к определению новых геополитических границ в Азии [*Плешаков* 1994][11].

Недостаток формальных институтов и институализации в Азии сменился пересечением множества интеграционных проектов, каждый из которых может вести к формированию геополитического полюса. Одно из таких пересечений – ЕАЭС и ЭПШП (Экономический пояс Шелкового пути), «русский мир» и китайский евразийский проект. От того, как России удастся найти сопряжение теперь уже не только на Западе, но и на Востоке, с Китаем, будет зависеть судьба «русского мира» и евразийской идентичности России.

Китай и Россия: принципы сопряжения

Китай и Россия вместе выходят из постбиполярного мира, и, чтобы вместе войти в многополярный, им необходимо разграничить пространство бывшего советского проекта и предполагаемого китайского без конфликта. Основой такого разграничения могут быть близкие принципы организации регионального пространства: нестрогий суверенитет, «мягкое пространство» и гибкое объединение различных политических и экономических субъектов, не разноскоростная как в Европе, а многослойная система региональной интеграции, в рамках кото-

10 О возможности присоединения к китайскому проекту России, Казахстана и других государств по отдельности см. [*Ли Юнцюань*, *Ван Сяоцюань* 2018; *Чжу Жуйсюэ* 2015].

11 О делении российского геополитического пространства на зоны см. [*Плешаков* 1994].

рой Китай признает особые интересы России на постсоветском пространстве[12], что вписывается и в его традиционные представления об организации внешнего мира [*Цзян И* 2017; *Цинь Яцин* 2014, с. 141–155]. Такое пространство пересечения интересов уже существовало в истории двух стран, но в XVII–XIX вв. оно, в отличие от Китая, не воспринималось Россией, и особенно русскими первопроходцами, ни в качестве суверенного, ни в качестве лимитрофа, а представлялось свободной территорией, terra nullius, которая была объектом соперничества великих держав. Для Китая эта зона была исторически более осмысленной, с ней его связывали длительные и вполне упорядоченные политические и культурные отношения [*Лань Ци, Су Лигун, Хуан Хун* 2018]. Век слабости Китая, ограничения его суверенитета, в т.ч. в пограничных зонах, завершился, Китай не приходит на новые территории, а возвращается. Сегодня главным вызовом для Китая, как и для России, является не только пересечение взаимных интересов, но и превращение центральноазиатских государств в международно признанных субъектов и необходимость выстраивать с ними новый, соответствующий тип отношений.

На саммите в мае 2017 г. В. Путин и Си Цзиньпин поставили задачу договориться о сопряжении «Пояса и пути» и ЕАЭС, которое означает не столько строгое разграничение пространств, сколько новый порядок взаимодействия, сочетающий сохранение евразийской идентичности России и «русского мира» и экономические интересы Китая, выраженные в идее «взаимного выигрыша». Российская интерпретация «сопряжения» предполагает, что единицей сопряжения выступает ЕАЭС как единое целое, для Китая «сопряжение» означает пространство ЕАЭС, состоящее из суверенных государств, у которых с Китаем многовековые традиции отношений.

История знает две стратегии поведения по созданию цивилизационного пространства, обе из которых были с успехом опробованы Россией. Первая относится к периоду XVII–XIX вв. Представляя растущий западный мир, Россия стала великой евразийской державой, обеспечив себе нынешнее географическое присутствие в Восточной Азии и на Тихом океане и за счет азиатских приобретений укрепила свои позиции в Европе. Такого конкурентного преимущества у России сейчас нет ни перед Западом, ни перед Востоком.

Вторая относится к XX в. В основе ее лежала принципиально новая государственная идеология национального и социального освобождения, которая в значительной степени ускорила процесс подъема мировой периферии и укрепила позиции России в зарубежной Азии. Новый социальный проект и новая система международных отношений, которую Советская Россия здесь распространяла, стали геополитическим ресурсом, который способствовал превращению СССР в сверхдержаву и наделил его глобальной исторической миссией. С тех пор у России авторитет, влияние, стратегические партнеры и общие с ними оппоненты в регионе. Благодаря этому она до сих пор воспринимается как фактор региональной стабильности, хотя и не является участником экономической интеграции.

12 Но не отказывается и от своих. Подобно тому, как в конце XIX в. Россия начала строительство КВЖД, так и сейчас Китай проявляет интерес к строительству железнодорожной магистрали со своей шириной колеи (1435) по территории Казахстана, Узбекистана и Туркмении.

Сегодня повторение ни одного из указанных сценариев невозможно. Третья стратегия, к формулированию которой сейчас движется Россия, – сохранение субъектности в конкуренции с другими геополитическими проектами. Сегодня в России не вызывает неприятия мысль не только о Великой Европе от Лиссабона до Владивостока[13], но и о Великой Азии от Шанхая до Санкт-Петербурга. Но ни один из этих вариантов не может устроить Россию полностью, поскольку оставляет ее один на один с экономическими гигантами. Только в большом пространстве от Лиссабона до Шанхая, Хошимина или Осаки, где Китай и Европа смогут уравновешивать друг друга, у России появится шанс на самостоятельность. Именно сложности сопряжения ЕАЭС и «Пояса и пути» потребовали макроформат Большого евразийского партнерства с участием Европы, Китая, России и, возможно, Индии.

Список литературы

Богатуров А.Д. (1996) Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. № 2. С. 25–36.

Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева во Францию. 2–5 октября 1985 года. Документы и материалы (1985). М: Издательство политической литературы.

Виноградов А.В. (2015) Притяжение Азии. Китайский опыт для России // Тетради по консерватизму. № 5. С. 240–248 // http://essaysonconservatism.ru/wp-content/uploads/2017/06/166-165-1-PB.pdf, дата обращения 31.03.2019.

Грачиков Е.Н. (2015) Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей. М.: Русайнс.

Грачиков Е.Н. (2016) Китайская теория международных отношений: становление национальной школы // Международные процессы. Т. 14. № 3. С. 68–80. DOI 10.17994/IT.2016.14.3.46.5

Лан Ци, Су Лигун, Хуан Хун (2018) История Центральной Азии. Пекин (на китайском).

Ли Юнцюань, Ван Сяоцюань (2018) Проблемы и перспективы сотрудничества «Экономического пояса Шелкового пути» и новой экономической политики Казахстана «Путь в будущее». Пекин (на китайском).

Мокрецкий А.Ч. (2019) Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина // Международная жизнь. № 3. С. 30–48 // https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/32019/files/assets/downloads/publication.pdf, дата обращения 31.03.2019.

Плешаков К.В. (1994) Геополитика и идеология в отношениях между СССР, США и КНР в Восточной Азии. (1949–1991). Автореферат диссертации на соискание уч. степени д.полит.н. М.

Портяков В.Я. (2015) Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН.

Путин В.В. (2012) Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27 февраля 2012 http://www.mn.ru/politics/78738, дата обращения 31.03.2019.

Сборник документов 19-го Всекитайского съезда КПК (2017). Пекин (на китайском).

Свешников А.А. (1999) Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских

13 Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Мюнхен, 16 февраля 2019 года (2019) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 16 февраля 2019 // http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3520272, дата обращения 31.03.2019.

специалистов-международников. М.: ИВД РАН.

Цзян И. (2017) Отношения между Китаем и Россией в новом веке. Пекин (на китайском).

Цинь Яцин (ред.) (2014) Мировая политика и глобальное управление. Пекин (на китайском).

Цымбурский В. (1997) Народы между цивилизациями // Pro et Contra. Т. 2. № 3. С. 154–184 // http://www.intelros.ru/subject/figures/1075-vadim_cymburskijj_narody_mezhdu_civilizacijami.html, дата обращения 31.03.2019.

Цымбурский В. (1999) Геополитика для «евразийской Атлантиды» // Pro et Contra. Т. 4. № 4. С. 141–175.

Чжу Жуйсюэ (2017) Исследование по региональной торговле и экономическом сотрудничестве Китая и стран Центральной Азии в контексте Экономического пояса Шелкового пути. Пекин (на китайском).

Янь Сюэтун (2012) Надежна ли Россия? // Гоцзи цзинцзи пинлунь. № 3. С. 21–25 // http://www.tsinghua.edu.cn/publish/iis/7236/20120308004022054904369/russia.pdf, дата обращения 31.03.2019 (на китайском).

Brzezinski Z. (2009) The Group of Two that Could Change the World // Financial Times, January 13, 2009 // https://www.ft.com/content/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac, дата обращения 31.03.2019.

Deak A., Kuznetsov A. (2019) Relational Locomotive or Apple of Discord? – Bilateral Perceptions of the Economic Cooperation // Journal of Contemporary European Studies. DOI: 10.1080/14782804.2019.1566118

Regional Cooperation Initiatives in the Asia-Pacific and the Emergence of the New Eurasian Geopolitics. Centre on Asia and Globalization, Lee Kuan Yew School of Public Policy, National University of Singapore (2017), Singapore.

Womack B. (2016) Asymmetry and International Relationships, New York: Cambridge University Press.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-228-246

Russia in Eurasia: between China and the West. Identity, Ideology and Geopolitics

Andrey V. VINOGRADOV
DSc in Politics, Head, Center of Political Research and Forecasting
Institute of the Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, 117218,
Nakhimovskii Av., 3, Moscow, Russian Federation;
Professor, Department of Theory and History of International Relations
RUDN University, 117198, Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russian Federation
E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6080-4463

CITATION: Vinogradov A.V. (2019) Russia in Eurasia: between China and the West. Identity, Ideology and Geopolitics. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 2, pp. 228–246 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-228-246

Received: 23.03.2019.

The study was conducted by a grant of the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00165).

ABSTRACT. *The genesis of the Russian civilization is inextricably connected with the Mongol conquests of the 13th century. From that moment, Russia acquired a binary, Euro-Asian identity, which allowed it to master large spaces of Eastern Europe and Northern Asia in a different way compared to other European nations mastered the spaces of Asia and Africa, and eventually create the largest Eurasian state. All of its subsequent development took place in the constant internal struggle of two origins - the West and the East, both of them attracted Russia, influenced its identity and created opportunities for development, which Russia managed to exploit successfully. Until now, geopolitics remains a trigger for internal change and the cause of the transformation of Russian identity. Disappointed with the Eurasian project and trying to reunite with the West at the end of the 20th century, Russia decided to abandon the "Asian burden" and at the same time its own type of historical development. However, Russia did not change its identity, but rejected it. As a result, it did not fit in, but fell out of global trends.*

The rise of China opened up new opportunities for Russia. The strategic cooperation and interaction of the two countries has become a powerful tool in their struggle for multipolarity and global status in rivalry with the West. But at the same time, it has given Russia a new geopolitical challenge. Today, China is ready to offer the Post-Soviet Central Asia an attractive socio-economic model and a familiar and acceptable ideology. Under global geopolitical changes Russia is facing the choice of a new development strategy, which could find ways of conjunction the "Russian world" with the European Union and the Chinese "Belt and Road".

KEY WORDS: *Russia, Eurasia, China, identity, geopolitics, ideology, Central Asia, Eurasian Economic Union, "Belt and Road"*

References

Bogaturov A.D. (1996) Pluralistic Unipolarity and Interests of Russia. *Svobodnaya mysl'*, no 2, pp. 25–36 (in Russian).

Brzezinski Z. (2009) The Group of Two that Could Change the World. *Financial Times*, January 13, 2009. Available at: https://www.ft.com/content/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac, accessed 31.03.2019.

Collection of documents of the 19th all-China Congress of the CPC (2017), Beijing (in Chinese).

CPSU Central Committee General Secretary M. Gorbachev's Visit to France. October 2–5, 1985 (1985), Moscow: Izdatel'stvo politicheskoj literatury (in Russian).

Deak A., Kuznetsov A. (2019) Relational Locomotive or Apple of Discord? – Bilateral Perceptions of the Economic Cooperation. *Journal of Contemporary European Studies*. DOI: 10.1080/14782804.2019.1566118

Grachikov E.N. (2015) *Geopolitics of China: Egocentrism and the Network Space*, Moscow Ruscience (in Russian).

Grachikov E.N. (2016) Chinese Theory of International Relations: Emergence of National School. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 14, no 3, pp. 68–80 (in Russian).

Jiang Yi (2017) *Relations between China and Russia in the New Time*, Beijing (in Chinese).

Lan Qi, Su Ligong, Huang Hong (2018) *The History of Central Asia*, Beijing (in Chinese).

Li Yuanquan, Wang Xiaoquan (2018) *Problems and Perspectives of Cooperation and Conjugation of Silk Road Economic Belt and Kazakhstan's "Bright Road" Economic Policy*, Beijing (in Chinese).

Mokretskii A.Ch. (2019) Chinese Diplomacy in the Era of Xi Jinping. *International Affairs*, no 3, pp. 30–48. Available at: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/32019/files/assets/downloads/publication.pdf, accessed 31.03.2019 (in Russian).

Pleshakov K.V. (1994) *Geopolitics and Ideology in Relations between USSR, USA and China in East Asia (1949–1991)*, Moscow (in Russian).

Portyakov V.Ya. (2015) *PR China' Foreign Policy in 21th Century*, Moscow: IDV RAN (in Russian).

Putin V.V. (2012) Russia and the Changing World. *Moskovskie novosti,* February 27, 2012. Available at: http://www.mn.ru/politics/78738, accessed 31.03.2019 (in Russian).

Qin Yaqing (ed.) (2014) *World Politics and Global Governance*, Beijing (in Chinese).

Regional Cooperation Initiatives in the Asia-Pacific and the Emergence of the New Eurasian Geopolitics. Centre on Asia and Globalization, Lee Kuan Yew School of Public Policy, National University of Singapore (2017), Singapore.

Sveshnikov A.A. (1999) *Foreign Policy Concepts of PR China and Theories of Chinese International Relation Scholars*, Moscow: IDV RAN (in Russian).

Tsymburskii V. (1997) Peoples between Civilazations. *Pro et Contra*, vol. 2, no 3, pp. 154–184. Available at: http://www.intelros.ru/subject/figures/1075-vadim_cymburskijj_narody_mezhdu_civilizacijami.html, accessed 31.03.2019 (in Russian).

Tsymburskii V. (1999) Geopolitics for Eurasion Atlantis. *Pro et Contra,* vol. 4, no 4, pp. 141–175.

Vinogradov A.V. (2015) Asia's Gravitation: Chinese Experience for Russia. *Tetradi po konservatizmu*, no 5, pp. 240–248. Available at: http://essaysonconservatism.ru/wp-content/uploads/2017/06/166-165-1-PB.pdf, accessed 31.03.2019 (in Russian).

Womack B. (2016) *Asymmetry and International Relationships*, New York: Cambridge University Press.

Yan Xuetong (2012) Is Russia Reliable? *Guoji Jingji Pinglun,* no 3, pp. 21–25. Available at: http://www.tsinghua.edu.cn/publish/iis/7236/20120308004022054904369/russia.pdf, accessed 31.03.2019 (in Chinese).

Zhu Ruixue (2017) *Research on Regional Trade and Economic Cooperation between China and Central Asian Countries in the Context of Silk Road Economic Belt*, Beijing (in Chinese).